

Писатель и жизнь

РАДОСТЬ ТВОРЧЕСТВА

«ПОЗДРАВЛЯЮ от души с успехом. Мне это тем более радостно, что я была одна из тех, кому пьеса сразу понравилась. А теперь она мне нравится все больше и больше».

«С вами приятно работать. И главное, не менее приятно играть в вашей пьесе».

«Спасибо за представленные возможности. Повторите...».

«Эти короткие и искренние надписи на старой московской афише принадлежат артистам театра имени Ленинского комсомола. Сделаны они после премьеры пьесы «Огонь твоей души» и адресованы автору—Александр Араксманяну».

Драматург очень дорожит афишей, дорожит как памятной датой своей литературной удачи. Видеть афишу мне приходилось и раньше, на московских рекламных щитах. Но тогда я, конечно, не мог предположить, что спустя несколько лет, вновь увижу ее и на этот раз на стене уютного рабочего кабинета драматурга и буду просить у автора добавить на ней еще одну надпись—запоздалое мнение зрителя.

— Садись. Будут новые пьесы—напишешь... Вот сигары. Кури. Настоящие гаванские... А это только вчера набросал... О чем? Хочешь знать—тогда слушай. Как станет скучно, скажи—будем пить кофе...

Тот, кто хорошо знает Александра Арменовича, не удивится, если, побывав у него сегодня, через несколько дней рядом с пишущей машинкой увидит новую вещь. Драматурги по этому поводу час-

то шутя говорят, что в доме у Араксманяна хранится большой сундук, заполненный пьесами. Каждый год он оттуда достает одну или две и сдает в театр. Шутка всегда остается шуткой. Но я невольно оглядываюсь. Кругом книги. Во всю стену, в шкафах, на полках. Сверху фотографии, портреты, виды Парижа, Капри. Память о зарубежных поездках. На низком столике—всегда заправленная машинка. Рядом пачка чистых листов и опять книги. Сундука, разумеется, я не обнаружил. А эти пухлые папки?

— Варианты, бесконечные варианты... Нередко они изнуряют до мучительного, но никак не удается обойтись без них. Когда приступаю к новой вещи, у меня появляется такое ощущение, будто я начинающий. Каждая пьеса порой имеет десятки вариантов. Я очень часто возвращаюсь к опубликованному. Переделываю, стараюсь улучшить. Особенно много времени уходит на пьесы. Драматургия самый трудный жанр. И нужно хорошо знать театр, чтобы писать для него. В общем работать за письменным столом приходится всегда много. Но я, конечно, не отшельник...

Александр Арменович очень общительный человек, любит веселый смех и остроумную шутку. Его кабинет—место частых встреч писателей и острых споров. Драматург обладает заразительной артистичностью и даже самый угрюмый собеседник с ним становится словоохотливым. В легком пальто и шляпе, его можно часто встретить на улице Саят-Нова. Он любит буквально каждой воронкой, подолгу простаивает у стройплощадки.

Возможно, это звучит несколько странно в устах писателя: Он больше всего любит музыку, архитек-

туру, а потом лишь литературу. И судьбе было угодно связать его ни с первой, ни со второй, а только с третьей «слабостью»...

Театр Араксманян узнал, как говорится, с черного хода. Он рос в артистической среде старого Тифлиса, когда на афишах армянского театра блистали имена знаменитых мастеров. Его отец, один из любимых актеров А. Бурджальяна, уделял много времени литературному труду. И будущий драматург своим красивым ученическим почерком очень часто переписывал пьесы отца, а иногда отвлекаясь, начинал импровизировать, сочинять драматические сценки.

А в девятнадцать лет Араксманян уже играет в своей первой пьесе «Голос» и вынужденно дебютирует в роли театрального художника. Пьесу взялся поставить клубный театр Ленинакана. Спектакль был почти готов, но режиссер решил отказаться от постановки. Нет художника, а какой будет эффект без декорации? На следующий день автор объявляет, что у него есть товарищ—настоящий художник, и он готов за несколько дней сделать все. По вечерам, когда все уходило из клуба, начинающий драматург до поздней ночи расписывал декорации. На афишах спектакля появилась вымышленная фамилия художника.

— Ваш прошлогодний дебют в театре музкомедии в качестве режиссера, когда вы ставили свою пьесу «С четвертого этажа кувирком», как мне помнится, заслужил в печати весьма лестные отзывы. Но дают ли такие опыты что-либо драматургу?

— Если верить критикам, что режиссер—Араксманян превзошел Араксманяна драматурга, то такой дебют меня только радует. И не огорчает, как драматурга. Дра-

матург в своей практике, в процессе работы где-то всегда остается действующим актером и режиссером. Иначе пьеса не получится. Можно привести много примеров, когда актеры и режиссеры, не обладающие особыми литературными данными, пишут нередко приемлемые для театра пьесы, а одаренные литераторы терпят неудачу в драматургии.

Араксманян уделяет много времени вопросам театрального искусства. В его писательском активе более тысячи статей о театре, монографии о крупных мастерах армянской сцены. Круг интересов писателя широкий, но, естественно, более всего его волнуют проблемы современной армянской драматургии.

— Тут у нас еще много нерешенных вопросов. Скажу лишь об одном: о языке драматургии. Вероятно, многие уже это отмечали, что между языком нашей сцены и современным армянским разговорным языком образовался какой-то разрыв. В наших пьесах язык упрощается, очень часто становится примитивным. С другой стороны—много высокопарности, ложного пафоса. Возможно, последнее идет от исторических пьес. Актеры на сцене иногда говорят так, как не говорил даже Геворг Марзпетуни. Самое трудное в диалоге добиться естественности речи. Без нее не может быть хорошей пьесы.

— Поскольку речь зашла об исторических вещах, хотелось бы узнать, как часто вы обращаетесь к исторической тематике?

— Я не поклонник исторических вещей, хотя много писал о Налбандяне и Месропе Маштоце. Мне вообще непонятны писатели, которые всю жизнь только пишут о

прошлом. Писатель должен прежде всего отображать свое время, стремиться осмыслить его. Но мне не нравится, когда хором пишут об одном, спекулируют модной темой. Открыть новую тему нелегко. Это во многом зависит от гражданской активности писателя. Чем шире диапазон его интересов, тем разностороннее он в тематике и в литературных формах.

Сказанное Араксманяном—вывод из личной многолетней писательской практики. В частых беседах коллеги Александра Арменовича нередко упрекают его в многожанровости. Действительно, плодовитый писатель, можно сказать, испробовал свои силы буквально во всех жанрах. Его перу принадлежат романы и повести, очерки и рассказы, произведения разных форм для детей. Сегодня он пишет газетный очерк о стекле, завтра его застанете работающим над лирическим рассказом.

— В одном жанре устаю, в другом—отдыхаю,—любит часто повторять писатель. Но тем не менее Араксманян прежде всего драматург. Только 20 его пьес шли на профессиональной сцене. В Армении, пожалуй, нет театра, где бы ни шла какая-нибудь его пьеса.

Судить о своих вещах всегда трудно. И все-таки интересно, какие свои произведения сам драматург считает наиболее удачными.

— А знаешь, я даже боюсь сказать, что моя лучшая вещь уже написана. Теперь, когда за пятьдесят, вот так за чашкой кофе порой начинаешь подводить итоги. Сделано вроде немало. Но какая-то внутренняя неудовлетворенность постоянно мучает. И как хочется написать по-настоящему хорошую вещь. Удастся ли?

Сейчас у меня очень много работы. Смотрю на чистые листы и иногда становится страшно. Сумею

ли сказать о задуманном так как хочется? В последнее время увлечен рассказами. Пишу об очень интимных вещах. О любви, о хороших простых людях. А сколько еще надо написать—ведь в жизни столько интересного, увлекательного, мудрого...

Мой диалог с драматургом затянулся. А знакомство с семьей Араксманянов только начинается. В соседней комнате смолкло пианино. С внуком к нам заходит супруга драматурга. А вот и младший сын Александра Арменовича—Гуж, актер ТЮЗа. Он недавно снимался в фильме «Попранный обет» и своей игрой понравился многим зрителям.

— Меня уже поздравляют не с романом и не с пьесой, а с успехом сына,—знаю меня, с Гужем говорит писатель. Посадив на колени внука, он добавляет:—А кем будет он? Не изменит ли традициям своей семьи...

...Уже несколько недель прошло после этой нашей беседы. И очень часто вечерами, проезжая по улице Касьяна, мимо Дома писателей, я невольно гляжу на окна Араксманянов. В одном из них—всегда свет. Драматург, видимо, работает, а может у него засиделся еще кто. И каждый раз хочется подняться наверх, заглянуть в кабинет. Просто так, не для печати. Знаю, как всегда, хозяин встретит с доброй улыбкой, и усаживая в кресло, весело скажет:

— Кури. Настоящие гаванские... Только вчера написал, послушай... Нет, ты лучше отдыхай, будь зрителем, пей кофе. Сам прочту. Я же бывший актер.

Г. ЛАЛАЯНЦ.

На снимке: Александр Араксманян.

Фото Р. Хорени.